

Как же тогда возникло из алхимии то, что из собственно алхимии не выводимо? Это и нужно понять. Ибо понять способ преобразования алхимического мифа означает понять сам этот миф. Здесь следует вновь обратиться к главной алхимической мифологеме — мифологеме пресуществленческого оборотничества, связующей алхимию с христианским средневековьем. Именно эта взаимостимулирующая игра (объект — пародия на объект) способствует преобразованию алхимии во все то, что от нее осталось в современном сознании.

Но сколь актуальна задача исторической реконструкции давно минувшего алхимического мифа? Уже только этот набор алхимических фрагментов, различных в гетерогенном современном сознании, говорит о возможном касательстве и возможной причастности алхимии и к рациональной химии, и, в какой-то мере, науке в целом, современному оккультизму. И наука, и околонучный оккультизм (фарсовый перевертыш науки) — исторически детерминированные последствия, в числе прочего, и алхимии, принявшей заметное участие в генезисе новой науки и сопровождающего ее оккультизма. Здесь же уместно сказать и о многочисленных сциентистских, равно и антисциентистских, мифах XX столетия, укорененных и в алхимических прафеноменах, а также о собственно химической проблематике, рассматриваемой в оппозиции биология — физика и выявляющей именно в этой оппозиции химическое свое лицо, а при внимательном всматривании свое сходство-подобие — разумеется, на совершенно ином уровне — с давним своим алхимическим ликом. Вот почему задача исторической реконструкции алхимического мифа актуальна, а ее осуществление должно быть тем успешней, чем универсальней подход к алхимии как неповторимому явлению средневековой культуры.

Таков алхимический миф сам по себе и в послеалхимические времена. Таков алхимический текст, мифоносец и мифосвидетель. Так жили алхимики в этом мифе-тексте. Так жили и живут они в новоевропейской литературе, в которой явлен — если только пристально всмотреться, чутко вслушаться и внимательно вчитаться — и, так сказать, алхимический ее генотип. Вот что было до алхимии. И вот что после нее осталось.

Но алхимический миф — не только специфически средневековый образ жизненного поведения. Он еще и магико-экспериментальный образ рукотворного действия. Об этом следующая глава.